

Империя, насколько это возможно, подобна Царствию Небесному, является его искаженным, замутненным, но все-таки отражением на земле. Она оказывается внесением Логоса в хаос смутной исторической жизни. Вследствие этого имперская культура с неизменным постоянством обнаруживает в себе идеальные начала, связанные в конечном счете с преодолением исторической косности человеческого существования и с намечающейся возможностью преображения человека.

Однако это только одна сторона имперского сознания. Другая имеет отчетливо противоположный характер — с Империей связано разрушение уютного мира частной человеческой жизни, утрата простого человеческого счастья, угроза насилия и угнетения: решая свои грандиозные задачи, она не считается с отдельной личностью. Причем — и это особенно важно — данные задачи (решение которых хотя бы отчасти могло бы смягчить неправду насилия) Империя решить никогда не может: ни одно реальное историческое воплощение имперской мифологемы не соответствует ее высоким идеалам. И дело здесь не в злом умысле практических политиков, а в самом существе вопроса: для достижения своих высших и светлых целей Империя должна приблизить земное существование к Жизни Небесной. А это невозможно: власть от Бога не является властью Бога. Посему Империя может лишь стремиться к прорыву в идеальное существование, сей прорыв не осуществляя и неизбежно оставаясь в пространстве исторического бытия с его приобщенностью ко злу, что и создает отмеченную выше двуполярность имперского сознания.

Эта двуполярность, кстати, отчетливо ощущается в творчестве А. С. Пушкина Г. П. Федотов с присущим ему афористическим блеском обозначил его как «певца империи и свободы»,¹³ не объединив, как могло бы показаться, а *разделив* эти два понятия. Но уместно ли подобное противопоставление? Ведь с точки зрения имперского сознания (а Пушкин принадлежал к нему) Империя и свобода неразрывно связаны: Империя включает в себя свободу — не в смысле, конечно, своеволия, но свободу подлинную, заключающуюся в осознании необходимости служить Истине и Добру. И не объясняется ли отчасти переход Пушкина на имперские позиции углублением его осмысления свободы?

Противоречия же, возникающие в пушкинском художественном мире между Империей и свободой, вызваны раздвоенностью самого имперского сознания, его причастностью к идеалу, а значит и к свободе, и одновременно ко злу с его насилием, искажающим природу человека. Эта раздвоенность присуща и петербургскому тексту русской литературы, где тема свободы — и как

---

¹³ Федотов Г. П. Певец империи и свободы // Федотов Г. П. Судьба и грехи России. СПб., 1992. Т. 2. С. 141—162.